

НАЦИОНАЛЬНОЕ МЕССИАНСТВО И ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ВОСТОЧНОГО СЛАВЯНСТВА

С.А. Елизаров

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П.О. Сухого», Республика Беларусь

Изначально идеология и практика национального мессианства формировались в лоне религиозных систем. Потенциально любая из этих систем содержит зародыш мессианства, так как включает в себе в качестве совершенно необходимой основы признание абсолютной истинности только своего «символа веры» для всех людей и видит своей главной функцией защиту и распространение этого абсолюта ради «спасения человечества». В этом – природа религиозной веры и религиозной жизни. В связи с этим национальное мессианство возникает как представление о нравственно-религиозной исключительности одной этнической общности как «богоизбранной», как единственной носительницы «истиной веры» и защитника святынь, в чем и выражался высший смысл и высшее предназначение (мессианское) данного этноса.

Мессианство приводит к высокомерному отношению к другим общностям как к объекту «спасительного воздействия» и таит в себе огромную опасность делу гармонизации межэтнических, межкультурных и межгосударственных отношений. Мессианство по сути своей антитолерантно, ориентировано на унификацию мира на основе собственного образца, выдаваемого за истину абсолютную и несомненную. Наибольшую опасность нравственно-религиозное мессианство приобретает, когда оно становится «душой» вполне конкретного «тела» – мощного государственного образования, претендующего на гегемонию, на господство над другими народами. Формализуясь в государственно-имперской форме, этот мессианизм выходит за пределы мистического понимания и составляет идейную основу имперства как стремления к экономическому, политическому и духовному господству над иными народами.

Идея православного мессианства нашла свое яркое воплощение в истории Российской империи и его самым последовательным носителем среди всего многообразия православных народов исторически стал русский народ, создавший мощный военно-экономический механизм реализации нравственно-религиозной составляющей православного мессианства. В связи с этим другие православные народы вынуждены были признать право именно России на роль лидера в православно-славянском мире и оказались в гораздо меньшей степени заражены вирусом имперского национального мессианства.

На наш взгляд, русское мессианство содержит несколько основополагающих моментов.

Во-первых, презумпция превосходства православия. При этом православие представляется в идеализированной, совершенной форме, в то время как католицизм и протестантизм – в их реальном (либо негативном) состоянии.

Во-вторых, идея особой духовности русского человека, вытекающая из его приверженности православию. Тема особой, высшей пробы духовности русского человека постоянно фигурировала и продолжает фигурировать у адептов русского мессианства и основана на некоем абстрактном образце идеального русского. Действительное зачастую подменяется желательным, отрицательные черты или сглаживаются, или замалчиваются, положительные – гипертрафируются.

В-третьих, идея «спасения» всего мира и всего человечества, т. е. непосредственно идея мессии. Она – закономерный результат первых двух моментов. Рамки собственного народа становятся тесными, идея требует для своего дальнейшего существования ярких побед – и по мере укрепления военно-экономической мощи государства она все более

срачивается с государством и все более принимает агрессивно-имперский характер, вырывается на геополитический простор.

Белорусский народ в силу специфики своего исторического развития национальным мессианством не заболел. Такой шанс был в период самостоятельного существования ВКЛ, в период борьбы с Московским государством за «киевское наследие». В тех условиях реальность этих претензий требовала не только наличия военно-экономической мощи, но и наличия духовно-религиозного обоснования своей «миссии» объединителя православных территорий. В нашем случае немаловажно, что восточные славяне переняли христианство в его византийском православном варианте с его особой системой взаимоотношения светской и духовной власти. Византийская «симфония властей» к VIII веку выродилась в идеологию и практику главенства светских властителей над духовными. Переняв эту традицию, усиленную монгольским влиянием, православная церковь и на Востоке Европы выступала как мощный инструмент государственной политики.

В связи с этим исход борьбы между Вильно и Москвой в стратегическом отношении во многом определялся исходом борьбы за православную церковь, за контроль над ней с целью использования «православного мессианства» в своей имперской политике. В этой сфере противостояния изначально шансов было больше у Москвы, т. к. их правители более подходили под образ «православных государей», а Московская Русь – под образ «истинно православного государства». Претендовавшие на восточнославянские земли великие князья ВКЛ своим отношением к православию мало соответствовали православным канонам.

Имперский мессионизм ВКЛ в «восточной политике» не приобрел необходимого для успеха облика «православного мессианства». Без своего духовно-нравственного стержня имперские устремления ВКЛ оказались неспособными противостоять имперским амбициям Москвы. И чем более вестернизировалась ВКЛ, чем сильнее сближалось оно (прежде всего в элитарной части общества) с западной культурой и западной традицией, тем сильнее было сопротивление и со стороны Москвы, и со стороны православного большинства самого ВКЛ.

Но мессианство не следует путать с миссионизмом. У каждого народа есть своя миссия в мире, но не как единственного, «избранного», а как одного из народов, «который совместно с другими призван делать великое дело Божие, восполняя свои ценные особенности столь же ценными качествами всех других народов-братьев» (Е.Н. Трубецкой). Народ должен иметь представление о своем призвании и достойно, без излишнего шума и экзальтации исполнять ее. Это создает внутренний, духовный (и самый прочный) стержень, объединяет отдельных людей в общность, в единый организм, признающий самоценность себя как необходимого компонента многообразного мира. Не изолированность, избранничество, а открытость, взаимосвязь, уважение себя и других путь оптимистического развития, разрушающего соблазн мессианства.

Белорусский народ, не заболев имперским мессианством, однако не выработал представления о своей миссии. Такой белорусский миссионизм, лишенный претензии на свою исключительность, позволит, во-первых, преодолеть культурные и региональные барьеры внутри белорусского народа, утвердить свое духовное единство в историческом времени, а во-вторых, занять достойное место в мировом звучании.